
М. А. САЛМИНА

К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода*

Одним из вопросов, затрагивавшихся Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в его работе «Русские летописи и их культурно-историческое значение», был вопрос о так называемом Новгородско-Софийском своде, который, как считал Д. С., «имел первостепенное значение в русском летописании».¹

Исследователями летописания этот свод обычно датируется началом XV в. или первой его половиной и считается составленным либо в Новгороде, либо в Смоленске, либо в Москве. Я хотела бы предложить свое видение проблемы, связанной с датировкой этого свода. Речь пойдет о пересмотре традиционной точки зрения. Но прежде напомним суть вопроса.

Существование Новгородско-Софийского свода было установлено А. А. Шахматовым.² В общих чертах об этом своде мы можем судить по восходящим к нему летописям — Софийской I (далее — СИ), Новгородской IV, сходной с ней Новгородско-Карамзинской летописью (далее — НК), а также Новгородской I младшего извода. А. А. Шахматов датировал этот свод 1448 г. на основании существующей в СИ и НIVЛ (добавлю, теперь и в НК) записи под 1380 г. перед рассказом о битве на Дону, представляющей собой выкладку лет по поводу совпадения Пасхи и Благовещенья. Вот как она читается в НК:³ «И тогда Благовѣщение бысть в Великъ день, а перво сего было за 80 лѣт и за 4, а потом будет за 80 без лѣта, а потом за 11 лѣтъ». Совпадение Благовещенья и Пасхи было в 1380 г., а до 1380 г. действительно было «за 80 и за 4 лета», т. е. в 1296 г., а затем действительно — через 79 лет — в 1459 г. А вот фраза «через 11 лет», т. е. как бы в 1470 г., не находила применения, так как следующее совпадение Пасхи и Благовещенья должно было произойти только в 1543 г.

А. А. Шахматов вышел из этого положения предположением, что эта последняя приписка «а потом за 11 лет» относится к совпадению в 1459 г. и что та-

* Печатается в порядке обсуждения — *Ред*

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947. С. 316. См. также с. 312—317, 446—450.

² Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М., Л., 1938. С. 151 и след.

³ Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 139.

ким образом эта приписка сделана в 1448 г. (от 1459 г. он отнимал 11 лет). Эта запись, по мнению А. А. Шахматова, должна была читаться и в самом своде, поэтому и самый свод он датировал 1448 г. Правда, в последних своих работах он называл его уже просто Новгородско-Софийским сводом 30-х гг. XV в.⁴

Найти объяснение словам «а потом за 11 лет» пробовал польский ученый А. В. Поппэ. В своем письме Я. С. Лурье (в 70-х гг.) он предположил, что перед этими словами еще раз могла повторяться фраза о 84-летнем промежутке времени (в несколько измененном виде): «а потом *будет* за 80 лет и за 4 лета». Но искусственно вводя в текст записи дополнительный текст, он тем самым еще более осложнил его прочтение.⁵

В рамках изучаемого вопроса позволю себе обратиться к собственным исследованиям 30-летней давности. В 60—70-х гг. мне пришлось заняться изучением трех повестей, старшие списки которых заключали в себе НВЛ и СЛ. Это так называемая Летописная повесть о Куликовской битве,⁶ Повесть о Тохтамыше⁷ и «Слово о житии Дмитрия Ивановича, царя Русьского».⁸ Существование «свода 1448 г.», поддерживавшегося Я. С. Лурье,⁹ оказалось для меня очень кстати, так как все мои разыскания, касающиеся этих повестей, накладывались, в общественно-политическом понимании, как мне казалось, именно на это время, на 40-е гг. XV в. И я без особых размышлений приняла этот «свод 1448 г.», хотя ход, предложенный А. А. Шахматовым в отношении последней приписки «а потом за 11 лет», казался мне с самого начала надуманным.

Смущало лишь одно — датировка даже этим временем, 40-ми гг., «Слова о житии Дмитрия Ивановича, царя Русьского».¹⁰ Целый ряд встречающихся

⁴ См.: Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 448—449. Такое изменение датировки свода, как пишет Д. С. Лихачев, было вызвано частным письмом к А. А. Шахматову А. В. Маркова, предположившего, что слова «за 11 лет» читались после первой фразы, и тогда Пасха и Благовещенье совпали бы до 1296 г., а именно в 1285 г. (что в действительности было).

⁵ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 109—110. Г. М. Прохоров, объясняя неясные слова «а потом за 11 лет», предполагал, что на их месте первоначально читалась фраза «а потом за 80 и 4 лета», которая превратилась в дошедшее до нас чтение из-за описки писца (см.: Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 193, примеч. 104).

⁶ Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 344—384.

⁷ Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 134—151.

⁸ Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 81—104.

⁹ Лурье Я. С. 1) К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 142—146; 2) Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 139; 3) Общерусские летописи... С. 120; 4) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199; 5) Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 287—304; 6) Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 56—57.

¹⁰ Напомню, что В. П. Адрианова-Перетц датировала «Слово о житии» годами не ранее первой четверти XV в., но высказывала предположение, что памятник мог быть написан и в более позднее время (Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия

в «Слове» чтений наводил на мысль, что этот памятник создан значительно позже.¹¹ Так, князь Дмитрий в «Слове» называется князем «всёя Руси», хотя слова «всёя Руси» в великокняжеском титуле стали употребляться не ранее 1485 г.¹² В произведении Дмитрия «похваляет вся Русская земля», он именуется «господином всей земли Руской», хотя даже в середине XV в. «вся земля Руская» под властью великого князя московского еще не находилась: ни Новгород, ни Тверь, ни Рязань, ни Псков еще не были подвластны московскому князю. Особенно же странным выглядело то, что Дмитрий в памятнике неоднократно именуется царем: «Слово о житии... Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», «великий царь Дмитрий Руския земля»; он «царский санъ дръжаша». «Господине, Русский царю» — обращаются к Дмитрию «князи рустие и велможи его»; «царю мой милый», «остала есмь царя» — восклицает в отчаянии княгиня; автор собирается рассказать «о житии сего нашего царя Дмитрия», «глаголати о семъ велицемъ цари», он размышляет, с кем ему сравнить «сего князя, рускаго царя». Представляется, что называть московского князя Дмитрия царем задолго до того, как титул «царь» стал употребляться официально, просто невозможно. Это можно было сделать уже после того, как титул «царь» стал применяться на практике. В своих «Записках о московитских делах» С. Герберштейн писал, что «имя царское», кроме титула «господин всей Руссии», впервые «присвоет себе» Василий III. Имя царя Василий III употреблял в сношениях с римским императором, папой, королем Швеции и Дании, магистром Пруссии и Ливонии и с государем турок.¹³ Это сведение было подтверждено и Р. Гейденштейном в «Записках о Московской войне»: Василий III «первый захотел называться царем <...> и хвастался, что Максимилиан Первый уже величал его этим титулом».¹⁴

Все сказанное свидетельствовало о том, что «Слово о житии», скорее всего, памятник XVI в. И подтверждением этому, как представляется, послужило сочинение «Вкратце похвала самодержцу Василию», находящееся в Степенной книге в 16-й степени, посвященной Василию III. В этой «Похвале» Василий III охарактеризован теми же самыми словами, которыми наделен в «Слове о житии» князь Дмитрий Иванович: «. на престолъ убо царьскомъ седяи и землю Русьскую управляя, а сердце свое яко пещеру имѣяше, царскую багряницу и вѣнецъ ношаше, въ ризы же чернеческия всегда желаше облещися...».¹⁵ Но самое

Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ М., Л., 1947 Т. 5 С. 91—92) 50-ми гг. XV в. предположительно датировал «Слово о житии» Я. Пеленский (Pelenski J. The Origins of the Official Muscovite Claims to the Kievan Inheritance // Harvard Ukrainian Studies, 1972 Vol. 1 N 1 S. 40—42)

¹¹ См. Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в. // Проблемы изучения культурного наследия М., 1985 С. 159—162

¹² См. АСЭИ М., 1952 Т. 1 № 516 С. 356

¹³ Герберштейн С. Записки о московитских делах СПб., 1908 С. 23—24

¹⁴ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582) / Перевод с латинского СПб., 1889 С. 25

¹⁵ Книга Степенная царского родословия Ч. 2 // ПСРЛ СПб., 1913 Т. 21, вторая половина С. 611 Ср. текст «Слова о житии» в Новгородской Карамзинской летописи Дмитрий «Землю Русьскую управляше, на престолъ сѣдяше, яко пещеру в сердце дръжаше, царскую багряницу и вѣнецъ

любопытное заключалось в следующей фразе автора «Похвалы»: князь Василий, говорилось в ней, «подражал» «богомудрому *своему* (курсив наш. — М С.) житию святого и праведнаго своего прародителя достохвальнаго великаго князя Дмитрия Ивановича Доньскаго». ¹⁶ Т. е. оказалось, что житие Дмитрия Ивановича является совсем не его житием, а было задумано его автором как «великаго князя и царя Василия Ивановича» житие, написанное, конечно, уже после его смерти. ¹⁷ Замечу, что слово «своему» в «Похвале», приведенной только что по изданию ПСРЛ, случайным не является. Это слово содержится в «Похвале» и

ношаше, а в чернечьскыя ризы по вся дни облещися желаше» (Новгородская Карамзинская летопись С 153) Но «Слово о житии» и «Вкратце похвала самодержьцу Василию» перекликаются не только в этой фразе В обоих памятниках усматривается и связь фактическая И князь Дмитрий, и князь Василий представлены в памятниках мудрыми правителями, стоящими на страже своей земли, прославившимися далеко за ее пределами Оба князя «изнемогаема от болезни» И в том и в другом памятнике перед смертью и Дмитрий, и Василий благословляют своих сыновей на управление «княжением» или «царствием», прощаются с княгинями, приближенными Отличие состоит как будто в том, что Василий III перед смертью постригается «в иноческий образ» Но это только кажущееся различие Иноком фактически представлен и князь Дмитрий в «Слове» Это следует и из только что приведенной характеристики, и из других описаний его облика в «Слове» «Он < > от юны бо версты Бога възлюбил и духовных прилежа дѣлех < > духовныя книги въ сердци своемь имяше < > очима зряше часто к земли < > душу же и умъ простираше к небеси < > тѣло чисто съблюде, грѣху не причастно < > ангелскы живяше постомъ и молитвою по вся нощи стояше, сна же токмо мало приимаше, и паки < > в бернѣм телеси бесплотныхъ житие съврѣшаше < > божественныя дни поста въ чистотѣ храняше, а по вся неделя от святыхъ таинъ приимаше Преочистованну душу пред Богомъ хотяше поставити, поистинѣ явися земный ангель, небесный человекъ» (Там же) Уже принявшим иноческий образ мы видим его в гробу, не в одежде, подобной одежде княгини, а в простых и бедных ризах, с «худым платом на голове» О желании автора «Слова» представить князя Дмитрия великосхимником свидетельствует и его реплика в панегирической части жития, в пространной некрологической похвале великому князю, когда он восклицает «Ангела ли ты нареку? Но в плоти суща ангелскы пожилъ еси» (Там же С 157) И «Слово о житии», и «Похвала» Василию фактически совпадают в изображении «великих князей»

¹⁶ Книга Степенная царского родословия Ч 2 С 611 Замечу, что мои оппоненты этой фразе значения не придали Г М Прохоров писал « не веруя < > в иносказательность „Слова о житии и о преставлении великаго князя “ — я думаю, что наиболее вероятное время его написания < > конец XIV—начало XV в » Автор «Слова» Г М Прохоров склонен считать, вслед за А В Соловьевым (Соловьев А В Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ М, Л, 1961 Т 17 С 85—106), Епифания Премудрого (см Прохоров Г М Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв Л, 1987 С 119) А Г Бобров присоединился к мнению Г М Прохорова (Бобров А Г 1) Летописный свод митрополита Фотия (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 133, 136—137, 2) Новгородские летописи XV века СПб, 2001 С 154, 159—160)

¹⁷ О возможности использования подставного имени князя Дмитрия Ивановича находим в «Писании» Софония Рязанца, или «Задонщине», памятнике XVI в (так! См с 176 настоящей статьи), сохранившемся в сборнике РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086 Софоний славит бояна (певца), «в городѣ в Киевѣ» и говорит, что тот боян « певше славу русскимъ княземъ , восхваляя ихъ пѣсми и гуслеными буйными словесы на рускаго господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Ондръевича (курсив наш — М С), занеже ихъ было мужество и желание заземлю Русьскую и за вѣру христианскую» (л 123 об —124), т е певец, желая прославить го или иное имя русского князя, использовал для этого имя великаго князя Дмитрия Ивановича (и брата его Владимира Андреевича)

в наиболее древнем и исправном списке Степенной книги конца XVI в. в рукописи РГБ, собр. Пискарева, № 177 (л. 1018 об.),¹⁸ и в списке Степенной книги XVII в., в рукописи ГИМ, собр. Черткова, л. 238,¹⁹ и в списках Степенной книги XVII—XVIII вв.: РНБ: НСРК, F.382 (л. 647), F.IV.207 (л. 651 об.); F.IV.117 (л. 703 об.), ОЛДП, F.53 (л. 804 об.), Соф. 1378 (л. 675 об.); БАН: 16.12.1 (л. 658 об.), Арханг. С. 131 (л. 593—593 об.); СПбИИ РАН: собр. Археогр. ком., № 238 (ф. 11, л. 751 об.), собр. Воронцова, (ф. 36, оп. 1, № 648, л. 589 об.).²⁰

Таким образом, благодаря Степенной книге, как представляется, был найден ключ к пониманию этого памятника.

Итак, «Слово о житии» оказалось иносказанием, и для XVI в. это далеко не единственный случай. Как раз в XVI в., а затем в XVII, появился целый ряд памятников, авторы которых обращались к приему иносказания. Напомню, что именно иносказание («инословие» — ἰνoσλoγiα) выдвигалось Георгием Хировоском в его трактате о поэтических образах на первое место.²¹ Часто произведения, обычно читаемые нами, как говорится, «в лоб», оказываются затаенными, и разгадать эту тайнопись большая удача. Кроме «Слова о житии» в XVI в. затаенный текст, как считаю я, содержит «Задонщина» Кирилло-Белозерского списка начала XVI в., в котором ключом к разгадке явилась греческая буква «каппа». Битва, отраженная в этом списке «Задонщины», — это не битва 1380 г., а битва с немцами 1501—1502 гг., окончившаяся поражением русских.²² Иносказанием, как теперь оказалось, является и «Сказание о Мамаевом побоище».²³

¹⁸ В ПСРЛ эта рукопись имеет № 612, она положена в основу издания и обозначена буквой М (см Книга Степенная царского родословия Ч 1 // ПСРЛ СПб, 1908 Т 21, первая половина С IV)

¹⁹ В ПСРЛ рукопись имеет № 250, в издании она обозначена буквой И (Там же С IV—V)

²⁰ Все приведенные здесь списки Степенной книги из собраний РНБ и БАН любезно указаны мне А В Сириновым, которого я сердечно благодарю

²¹ См Георгия Хировоска о образѣхъ // Изборникъ Святослава 1073 года Факсимильное издание М, 1983 Л 237 об

²² Салмина М А «На рицѣ на Чечѣ» в «Задонщине» // ТОДРЛ Л, 1981 Т 36 С 231—233 Позволю себе напомнить суть статьи Принято считать, что Кирилло-Белозерский список «Задонщины» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086) дефектен, что у него отсутствует окончание По нашему мнению, это цельное произведение с печальным концом Читается в нем странное выражение — «на рицѣ на Чечѣ» (реке, на которой стоят вражеские силы — «погании татарове») удалось расшифровать, обратившись к «цифирной», «обратной» и «фигурной» тайнописи — тайнописным приемам, описанным М Н Сперанским в его труде «Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма» (Энциклопедия славянской филологии Л, 1929 Вып 4.) Это выражение было прочтено нами «на Серице» Серица — река в Псковской земле Битва на Серице русских полков с немецкими полками, с войсками Ливонского ордена в конце августа 1501 г и происшедшая через несколько дней, в сентябре (1502 г), в среду, «в ноцъ въ 8 день на Рожество святой Богородицы» битва, когда немцы взяли и сожгли в псковской земле город Остров, закончились печально — поражением русских (см Псковские летописи М, Л, 1941 Вып 1 С 85—86) Битва, описываемая в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины», во многом переключается с летописной она происходит также «сентября 8 в среду на Рожество пресвятыя Богородица», упоминаются в ней «шеломы нѣмецкие», а произведение заканчивается описанием скорби московских жен по гибели в проигранной битве воинам

²³ См Романов В А Об одном фрагменте «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 596—599, Салмина М А К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ Т 56 (в печати)

Прием иносказания в XVI в. представлен также в сочинениях Ивана Пересветова, в его трактате о взятии Царьграда Магмет Салтаном.²⁴ В XVII в. потаенной оказалась одна из повестей о начале Москвы — сказочная повесть о пустынноике Букале, которая, как удалось выяснить, на самом деле отразила реальные исторические события, имевшие место в XVII в., — борьбу между патриархом Никоном и Крутицким митрополитом.²⁵

В свете всего вышесказанного встал вопрос: если «Слово о житии» признать произведением XVI в., то как быть тогда с датировкой НІВЛ и СІ (считающимися летописями XV в.), включающих в себя «Слово о житии»,²⁶ и соответственно с их источником — Новгородско-Софийским сводом? Напомню о существующих на данный момент взглядах некоторых исследователей летописания по поводу его датировки. Я. С. Лурье, на протяжении многих лет поддерживавший гипотезу А. А. Шахматова о существовании «свода 1448 г.», в последних своих работах отказался от такой его датировки и посчитал этот свод, отразившийся, по его мнению, в СІ, НІЛ, НІВЛ и сходной с ней НК, составленным до 1437 г.²⁷ (в другой своей работе — между 1425 и 1446 г.).²⁸ М. А. Шибаев склонен относить общий протограф этих летописей к 1418 г.²⁹ А. Г. Бобров, датируя свод 1418—1419 гг., связывает его, вслед за А. А. Шахматовым, с деятельностью митрополита Фотия и считает его созданным в Москве.³⁰ Г. М. Прохоров вообще отверг гипотезу о существовании Новгородско-Софийского свода.³¹

²⁴ См. Зимин А. А. И С Пересветов и его сочинения // Сочинения И Пересветова М, Л, 1956 С 16—17. В статье «Иван Пересветов и его литературная современность» Д. С. Лихачев отмечал «широкое развитие в публицистике XVI века приобретает аллегория < > Аллегория встречается в Повести о Псковском взятии, читающейся в Псковской первой летописи под 1510 г. В форме аллегории написана „Повесть некоего боголюбивого мужа“» (Там же С 51).

²⁵ Салмина М. А. «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» как литературный памятник // Повести о начале Москвы М, Л, 1964 С 154—166.

²⁶ «Слово о житии» отсутствует в Строевском и Фроловском списках младшей редакции НІВЛ (РНБ, собр. Погодина, № 2035 и F IV 235) и Воронцовском списке СІ (БАН, 34 2 31).

²⁷ Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства СПб, 1994 С 113. Этот свод, считает Я. С. Лурье, был общерусским, митрополичьим, созданным в Новгороде «в тот период, когда центр митрополии находился вне Москвы, вероятнее всего — при Герасиме Смоленском (1433—1435)». Епископ Герасим Смоленский в 1433 г. был наречен в Царьграде митрополитом «на Русскую землю» (Там же С 113—114).

²⁸ Лурье Я. С. К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 50 С 392. 1425 г. датирует Новгородско-Софийский свод А. И. Плигузов (Живая вода Непрядвы М, 1988 С 620).

²⁹ Шибаев М. А. Софийская I летопись младшей редакции. Автореф. дисс. канд. ист. наук СПб, 2000 С 14.

³⁰ Бобров А. Г. 1) Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 46 С 19, 2) Летописный свод митрополита Фотия С 136—137, 3) Новгородские летописи XV века С 158—160. Б. М. Клосс датирует свод 1419 г. (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского // Избранные труды М, 1998 Т 1 С 116—119).

³¹ Прохоров Г. М. 1) Летописные подборки рукописи ГПБ, F IV 603 и проблема сводного общерусского летописания С 187—193, 197, 2) Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (подборки Карамзинской рукописи, Софийская I, Новгородская IV и Новгородская V летописи) // ТОДРЛ СПб, 1999 Т 51 С 138.

Таким образом в вопросе датировки Новгородско-Софийского свода в настоящее время все его исследователи склоняются к появлению его в начале или первой половине XV в.

Как выглядел этот Новгородско-Софийский свод? Новгородско-Софийский свод, как писал еще А. А. Шахматов, и это подтверждают все современные его исследователи, носил общерусский характер. Он «содержал известия не одной какой-либо области, а всех или почти всех областей Русской земли». ³² В нем помимо новгородских находились «статьи и известия московского, тверского, нижегородского, ростовского, смоленского происхождения». ³³ Этот свод, писал Я. С. Лурье, «был общерусским сводом не только по составу, но и по своему характеру и тенденциям: из всех русских летописей этот свод обнаруживал <...> меньше всего пристрастия к какому-либо отдельному княжеству или земле. Этим объясняется парадоксальное объединение» в своде «московской, тверской и суздальской точек зрения, этим же объясняется и щедрое влияние новгородского летописания». ³⁴ «Широкий кругозор неизвестного сводчика, — писал Я. С., — сказался и в другом: он решительно заговорил о необходимости объединения всех сил для борьбы с „погаными“ и впервые поставил этот вопрос не с узко московской (или тверской), а с общерусской точки зрения...». ³⁵ Для этого свода была характерна еще одна тема — осуждение «братоненавидения», борьбы между братьями-князьями, облегчавшей успехи «поганных». ³⁶

Возникает вопрос — как такой свод с широким общерусским составом и такими тенденциями мог появиться в начале или первой половине XV в., когда северо-восточная Русь была охвачена феодальной войной (начиная с 1425 г.), когда ни о каком объединении русских земель еще и речи не шло, когда все земли были разрозненными и только к началу 80-х гг. можно было говорить о начале объединения с московским великим княжеством таких территорий Русской земли, как Новгородская республика, Тверское княжество, удел Верейский. Впереди же еще были Псков, Рязань, Смоленск. Собрать с обширнейшей территории летописный материал воедино составителю свода, как представляется, было под силу только тогда, когда объединение русских земель было бы уже совершившимся фактом. А это произошло лишь в 20-х гг. XVI в. с ликвидацией независимости Рязани (1526) и Пскова (1510), присоединением Смоленска (1514). Самый же свод включал в себя обширнейший материал: им впервые были введены в летописание важнейшие, созданные на основе кратких рассказов пространные повести и сказания: повесть о борьбе с татарами под 1380 г., повесть «о московском взятии от царя Тохтамыша», «Слово о житии Дмитрия Ивановича, царя Русьского», повесть о битве новгородцев с суздальцами, повесть о битве в 1216 г. на Липице. Из псковских летописей была

³² Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 154—155.

³³ Там же. С. 156.

³⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 120.

³⁵ Там же. С. 121.

³⁶ Там же.

займована повесть о князе Довмонте, из тверских — повесть о князе Михаиле Ярославиче. «Значительно расширены были на основе объединения разных источников также рассказы о нашествии Батия, о житии Александра Невского и ряд других».³⁷

Сводчику нужно было обладать какой-то невероятной властью и исключительными способностями, чтобы собрать у себя и летописный материал, и вне-летописные источники, в том числе юридического характера (Русская Правда и др.), из всех областей Русской земли, когда и общей государственности еще не существовало. Такую колоссальную работу проделать в первой половине XV в. было просто невозможно ни митрополиту Фотию (А. Г. Бобров), ни Герасиму Смоленскому (Я. С. Лурье). Такой свод, считаю я, не мог быть создан в XV в.

Переходя к обоснованию своей точки зрения на время сложения Новгородско-Софийского свода, я обратилась к той самой записи в СИ, НИВЛ и НК, о которой я упоминала выше, представляющей собой выкладку лет по поводу совпадения Пасхи и Благовещенья. При расшифровке указанных в записи лет исследователи отгалкивались от 1380 г., и последняя цифра «за 11 лет» должно-го объяснения не получила.

Не претендуя на бесспорность в своих рассуждениях, попробую изложить свою точку зрения на существующую проблему. К этой проблеме я попробовала подойти иначе — читать эту запись, отгалкиваясь не от 1380 г., а от того момента, когда ее предположительно мог записывать писец. На какое время в XV—XVI вв. мог пасть этот расчет лет, чтобы «до» было бы 84 года, а «потом» 79 лет, а «потом» 11 лет? Если начать рассуждения с конца расчета — «через 11 лет», напомнив, что, согласно хронологическим таблицам Хавского,³⁸ совпадения Пасхи и Благовещенья после 1459 г. были в 1543, 1554, 1627, 1638, 1649 гг., то первые «через 11 лет» дают 1543—1554 гг. Следующие ближайшие годы «через 11 лет» были в 1627—1638 гг. и в 1638—1649 гг. Вряд ли писцом имелся в виду последний расчет, так как вычисление из 1638 г. 79 лет дало бы 1559 г. и тогда «до» в «84 года» не получилось бы, потому что до 1559 г. существовал еще промежуток совпадения Пасхи и Благовещенья в 1543—1554 гг. (в 11 лет).

Можно допустить, что писец имел в виду 1543—1554 гг., составляющие промежуток в 11 лет. Если из 1543 вычесть 79 лет, то это дало бы 1464 г., как бы год, в который производил эту запись писец, и тогда «84 года» пришлось бы на 1380 г. Но мы никакого продвижения вперед в этом вопросе не получили бы, так как в поле зрения не попадало бы «Слово о житии», да и опять-таки общерусский характер свода был бы необъясним.

Для того чтобы Пасха и Благовещение последовательно совпадали через 84, 79 и 11 лет, подходит, на наш взгляд, вариант, когда «через 11 лет» приходилось бы на 1627—1638 гг. Промежуток в «84 года» «до сего» падал бы на 1459—1543 гг. Оставался расчет в «79 лет». Вычисление 79 лет из 1627 г. дает цифру 1548. Где-то между 1543 и 1548 гг., возможно, и произошло окончательное со-

³⁷ Лурье Я. С. Две истории Руси... С. 109.

³⁸ Хавский П. Хронологические таблицы в трех книгах. М., 1848. Кн. 3. С. 26.

ставление Новгородско-Софийского свода, когда в него оказалось включенным и «Слово о житии».³⁹

Что может мешать такой датировке Новгородско-Софийского свода? Ссылаются на филигранные, что есть, мол, списки НІВЛ и СІ, относящиеся по филиграммам к 70—80-м гг. XV в. Но, во-первых, датировка филиграней этих списков оказывается нередко очень приблизительной. Не случайно, что одни и те же списки в изданиях датируются по-разному.⁴⁰ Вызывает настороженность иногда и значительное «удревнение» списков в работах современных исследователей летописей, датирующих Новгородско-Софийский свод началом XV в. Так, Толстовская рукопись СІ (РНБ, F.IV.211) в издании летописи 1851 г. датируется концом XV или началом XVI в.⁴¹ М. А. Шибаетов этот список уже относит к 60—70-м гг. XV в.⁴² И это «удревнение» порой остается никак не объясненным. Так, например, Фроловский список НІВЛ (РНБ, F.IV.235) в издании летописи 1848 г. датируется XV в., в издании 1915 г. определяется XV—XVI вв.⁴³ В статье А. Г. Боброва он датируется концом 70-х гг. XV в.,⁴⁴ хотя в «Предварительном списке славяно-русских рукописных книг XV в.», который приводится здесь же в статье, он датируется также концом XV—началом XVI в.⁴⁵ Или Толстовский список НІВЛ (РНБ, Q.IV.138) в издании летописи 1915 г.,⁴⁶ у К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева,⁴⁷ в «Предварительном списке славяно-русских рукописных книг XV в.»⁴⁸ датируется концом XV—началом XVI в., у А. Г. Боброва его датировка обозначена только концом XV в.⁴⁹

³⁹ Отметим следующее ряд летописей новгородской ориентации вообще не содержит в себе «Слова о житии» Это Летопись Авраамки 1495 г и близкие к ней тексты, содержащиеся в сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 154, Толстовском I № 189 (РНБ, F.IV.156), Супрасльском списках, в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 280 (летопись Новгородская хронографическая) и близких к ней текстах — РНБ, собр. Погодина, № 1404а и 1402 В них отсутствует и обычная для НК, НІВЛ и СІ формулировка записи о совпадении Благовещения и Пасхи приписки «через 11 лет» в них еще нет Возможно допустить, что названные летописи новгородской ориентации отражают какой-то более ранний этап в сложении Новгородско-Софийского свода

⁴⁰ См., например, Строевский список НІВЛ (РНБ, собр. Погодина, № 2035) в издании ПСРЛ (СПб., 1848 Т. 4 Новгородские и псковские летописи С V) датируется концом XV или началом XVI в., в издании ПСРЛ (Пг., 1915 Т. 4, ч. 1 Новгородская четвертая летопись Вып. 1 С II) — последней четвертью XV в., в «Предварительном списке славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР)» (М., 1986 С. 308) — второй половиной XV в., в статье А. Г. Боброва «Редакции Новгородской четвертой летописи» (ТОДРЛ СПб., 1999 Т. 51 С. 108) — концом 70—80-х гг. XV в.

⁴¹ См. ПСРЛ СПб., 1851 Т. 5 Псковские и Софийские летописи С. 77

⁴² См. Шибаетов М. А. Софийская I летопись младшей редакции С. 8—9

⁴³ ПСРЛ Т. 4 С. VI, ПСРЛ Т. 4, ч. 1, вып. 1 С. III

⁴⁴ Бобров А. Г. Редакции Новгородской четвертой летописи С. 108

⁴⁵ Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в. С. 308—309 (№ 3418)

⁴⁶ ПСРЛ Т. 4, ч. 1, вып. 1 С. VIII

⁴⁷ См. Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого М., 1825 Отд. II № 52 С. 238

⁴⁸ Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в. С. 253 (№ 2707)

⁴⁹ Бобров А. Г. Редакции Новгородской четвертой летописи С. 108

Заметим еще одно: списки НІVЛ и СІ, датируемые исследователями 60—80-ми гг. XV в., нередко относятся к младшим редакциям этих летописей (например, Фроловский, Строевский, Музейский первый, Толстовский НІVЛ, Бальзеровский, Толстовский, Музейский СІ). Найти объяснение этому можно, предположив следующее: когда в книжном центре одновременно шло изготовление многих списков, и, может быть, даже не одной летописи (а объем каждой летописи был значителен), использовалась *вся имеющаяся в наличии бумага*, и списки младших редакций летописей могли оказаться переписанными на бумаге с «более ранними» филигранями «Дефицитом» бумаги, возможно, объясняется и то, почему на бумаге с филигранями 70—80-х гг. XV в. оказался написан дефектный список старшей редакции — Новороссийский список НІVЛ.

Во-вторых, датировка по филиграням — это еще далеко не датировка самой рукописи. Филигрani — это не ранее, а позднее, теоретически — неограниченно.

В-третьих, и это главное, — летопись Новгородско-Карамзинская (НК₁ и НК₂), а точнее НК₂, — та самая рукопись, которая наряду с СІ считается отражающей Новгородско-Софийский свод,⁵⁰ только по филиграням, как недавно установлено, относится к первой трети XVI в.⁵¹ Написана же она, естественно, позднее.⁵²

Итак, наличие НК₂ с его филигранями первой трети XVI в. (на фоне весьма путаного вопроса с датировкой филиграней НІVЛ и СІ) снимает вопрос о невозможности датировать Новгородско-Софийский свод XVI в. Вместе с тем с перемещением свода в XVI в. решаются многие проблемы. Во-первых, «Слово о житии Дмитрия Ивановича, царя Руськаго» остается на своем месте (в XVI в.); во-вторых, известная и комментируемая многими исследователями фраза из Летописной повести о Куликовской битве, повести, как следует из ее же текста, написанной в Литве, т. е. в Западной Руси,⁵³ фраза «а не яко при ны-

⁵⁰ Бобров А Г 1) Летописный свод митрополита Фотия С 137, 2) Новгородские летописи XV века С 160

⁵¹ См Клосс Б М 1) Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи // Памятники Куликовского цикла СПб, 1998 С 63, 2) Второе предисловие к изданию 2000 года // Новгородская четвертая летопись М, 2000 С XIV (ПСРЛ Т 4, ч 1), см также Бобров А Г Археографическое введение // Новгородская Карамзинская летопись СПб, 2002 С 18 (ПСРЛ Т 42) Я С Лурье датировал НК концом XV в (Лурье Я С Две истории Руси С 16), Г М Прохоров — второй половиной XV в (Прохоров Г М «Посторонние статьи» (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском № 27 Апостоле и «Слово о житии и о преставлении» Дмитрия Донского // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 49 С 63), А Г Бобров — концом XV—началом XVI в (Бобров А Г Летописный свод митрополита Фотия С 101)

⁵² Вопрос о залежности бумаги в XV—XVII вв (западная залежность) в должной степени не изучен В Н Щепкин приводит данные Брикe, который для больших форматов определял период залежности бумаги в 30 лет и более «В России залежность иностранной бумаги бывала несколько больше» (см Щепкин В Н Русская палеография М, 1967 С 202—204) Голландия до второй половины XVII в была главным складочным местом для французской бумаги (Там же С 199)

⁵³ См текст «Летописной повести» «А отсель, от страны Литовския, Ягайло князь Литовский, приде съ всею силою литовскою Мамаю помагати» Новгородская Карамзинская летопись С 143, см Памятники Куликовского цикла СПб, 1998 С 79

нешних временех Литва над нами издеваются и поругаются»,⁵⁴ непонятная для XV в., когда резко недружественных отношений у Московской Руси с Литвой в общем не было,⁵⁵ вписывается как раз в XVI в.⁵⁶ В-третьих, тема борьбы за независимость, «борьбы с погаными», немцами особо, также вписывается в XVI в. В начале XVI в. Ливонский орден переживал период своего подъема и опирался в борьбе против Руси на союз с Литвой, Польским государством и Швецией. Столкновения России со Швецией и особенно с Ливонией были неоднократны.⁵⁷ И наконец, в-четвертых, — тема борьбы между братьями-князьями для XVI в. тоже характерна. Известны обострения отношений Василия III с князьями Василием Стародубским, а затем с братьями Андреем и особенно Юрием, а позже Ивана IV с Владимиром Старицким⁵⁸

Если признать, что Новгородско-Софийский свод существовал в середине XVI в., то, следовательно, НІВЛ, СІ — это летописи середины—второй половины XVI в. И тогда все общерусские летописи, восходящие к этому своду и датировавшиеся до сих пор второй половиной XV и XVI в., также созданы позже, во второй половине XVI в.

Списки НІВЛ, СІ и НК оканчиваются известиями 30—50-х гг. XV в. и несколько более поздними годами. Не противоречит ли это поздней датировке этих летописей? Приведем слова польского историка XVI в. Мацея Стрыйковского,⁵⁹ который в своей «Хронике» писал: «...дела живых людей и событий свежей памяти бывает небезопасно издавать», так как не знаешь, похвалят тебя за это или осудят, т. е. считал он, что от излагаемых событий до их обнародования должен был пройти немалый отрезок времени.

Все исследователи сходятся на том, что Новгородско-Софийский свод носил общерусский характер, хотя и включал в себя значительный новгородский материал, и что этот свод был митрополичьим.⁶⁰ Датируя свод второй четвертью

⁵⁴ См об этом Кучкин В А Примечания [к рассказу о Куликовской битве в Новгородской IV летописи] // Памятники Куликовского цикла СПб, 1998 С 86—87 В А Кучкин слова «издеваются и поругаются» относит к неприязненным отношениям «между Новгородом и Литвой» в 30-х гг XV в

⁵⁵ Существовали лишь мелкие пограничные столкновения в конце XV в

⁵⁶ В обострении отношений Литвы и Московской Руси и начавшейся в 1500 г между ними войне, продолжавшейся с перерывами около трех десятилетий, чуть ли не первую роль играл религиозный вопрос В связи с постановлением Флорентийского собора об осуществлении церковной унии в Литве, особенно с приходом к власти Сигизмунда в начале XVI в., усилилось наступление на православие православное население Литвы принуждали к переходу в католичество

⁵⁷ См Очерки истории СССР Конец XV—начало XVII вв Л, 1957 С 82—85

⁵⁸ Там же С 62—65

⁵⁹ Strykowski M Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi Warszawa, 1846 Т 2 S 436—437 Цит по Рогов А И Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника) М, 1966 С 244

⁶⁰ См, например Приселков М Д История русского летописания XI—XV вв / Подгот к печати В Г Воиной СПб, 1996 С 213 Лурье Я С 1) Общерусские летописи С 114, 121, 2) Две истории Руси С 109, 113—114 См также примеч 27 настоящей статьи Бобров А Г 1) Из истории летописания первой половины XV в С 11 19, 2) Летописный свод митрополита Фотия С 136—137, 3) Новгородские летописи XV века С 158—160

XV в., Я. С. Лурье связывал его с именем митрополита Герасима Смоленского, а А. Г. Бобров — с деятельностью митрополита Фотия. Если принять новую датировку Новгородско-Софийского свода, отнести его сложение к середине XVI в., то можно было бы предположить, что этот свод создавался при участии митрополита Макария — то ли в Москве, а он к этому времени уже был митрополитом московским и «всёя Руси» (с 1542 г.) и был известен своими симпатиями к Новгороду, то ли в Новгороде, в котором он во время своего архиепископства в нем уже проявлял свою книгописную и редакторскую деятельность.⁶¹

Однако мы более склонны считать, что этот свод сложился скорее в Западной Руси, в Литовской Руси. Ведь Летописная повесть о Куликовской битве свода, как я уже упоминала, была написана в Литве.⁶² Отнюдь не промосковским выглядит и «Слово о житии Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», т. е. царя Василия III, в котором за невероятными восхвалениями этой личности сквозит явная ирония. Сигизмунд Герберштейн, например, в своих «Записках» писал, что Василию III при жизни расточались уж слишком большие похвалы, хотя к этому достаточных оснований не было.⁶³ Где именно в Западной Руси мог составляться Новгородско-Софийский свод, трудно сказать, но во всяком случае в 1579 г. во время русско-ливонской войны солдатами короля Стефана Батория в Полоцке была найдена библиотека, которая, по словам автора записок об этой войне Рейнгольда Гейденштейна, «в глазах образованных людей» имела «почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча». В ней были обнаружены летописи.⁶⁴

Таковы мои размышления о времени и месте сложения Новгородско-Софийского свода, основанные на представлении о том, что «Слово о житии Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», входившее в этот свод, является памятником иносказательной литературы, созданным в XVI в.

⁶¹ См.: Дробленкова Н. Ф. Макарий // *Словарь книжников*. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 76—79.

⁶² См. примеч. 53.

⁶³ Герберштейн С. Записки о московских делах. С. 20.

⁶⁴ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). С. 71. Может быть, косвенным подтверждением тому, что Новгородско-Софийский свод сложился не в Москве, могут служить наблюдения Ю. А. Лимонова, исследовавшего летописные источники «Записок» Гейденштейна. Никогда не бывавший в Москве и Московской Руси польский военный историк при дворе Стефана Батория Гейденштейн использовал две псковские летописи, которые, как писал он сам, «найжены были в числе других в полоцкой библиотеке и попали в наши руки» (Там же. С. 195). Третьим источником «была летопись, близкая к Новгородской IV. По терминологии Гейденштейна — «московская летопись». Думается, что автор «Записок» был уж не так далек от истины при определении ее вида. Надо учитывать, что его источник был общерусским летописным сводом конца XV—начала XVI в., в котором находился обширный комплекс известий о «всей Московии», а не только о северо-западе Руси» (см.: Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978. С. 199). Русскими летописными источниками «Записок о московских делах» С. Герберштейна, бывшего в 1517 и в 1526 гг. в Московии, Я. С. Лурье считал «летописи типа Ермолиной и близких к ней» (см. рец. на упомянутую книгу Ю. А. Лимонова: Охотникова В. И., Лурье Я. С. Русская историческая повесть и западная письменность XV—XVII вв. // *ИЮЛЯ*. 1981. Т. 40. № 1. С. 71).